

НИЛ ГЕЙМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время — штука странная, и я не уверен, куда оно подевалось.

Когда-то мы были молоды, и кажется, даже не так уж и давно, хотя на самом деле, конечно, это не так. Когда мы встретились, в 1983 году, Киму было двадцать три, а мне — двадцать два; он уже выбрал свой платонический идеал того, как должен выглядеть (а именно с иголки одетым путешественником во времени, прибывшим из Эдвардианской эпохи и косплеящим того Кима Ньюмана, какой он есть сегодня), а я только через шесть лет выберу ту модную катастрофу, с которой свяжу жизнь. (Однажды нас опишут в романе Йена Синклера как «волосатую ретроспективу», но это будет еще не скоро.)

В общем. Мы были молоды, Ким и я, много писали всякого, у нас были огромные планы и великие амбиции. Ким работал кинокритиком, в основном для «Городских границ» и «Ежемесячного бюллетеня» Британского института кино, я же писал для всех, кто заплатит, то есть по большей части брал интервью у писателей для, культурно выражаясь, «мужских журналов».

Вместе мы составили книгу цитат под названием «Ужасно до невероятия», а потом написали еще несколько вещей, в основном юмористических статей для всех, кто хотел дать нам денег. Мы просто кишели идеями. Писали — пару раз вдвоем, иногда впятером — в комнате Кима в квартире

на Масвелл-Хилл, забитой, прямо как ТАРДИС, таким количеством видеокассет, книг (именно там я прочитал собрание EC Comics, сидел всю ночь, не спал, пока соседи Кима по квартире веселились до утра), пресс-релизов и киноартефактов, что это, на первый взгляд, казалось невозможным. Вместе мы выдумывали юморески, и у нас получалось. А вот когда попытались сочинить вдвоем рассказ, вышло из рук вон плохо, и мы оба это поняли, хотя тут важно отметить, что действие в тексте крутилось вокруг вампиров. (Оглядываясь назад — мы бы, наверное, справились лучше, если бы начали с сюжета.)

Ким понимал, как надо рассказывать истории, лучше, чем все, кого я встречал до того, и мне пришлось бежать быстро, чтобы держаться с ним вровень. Примерно тогда же нас попросили сочинить парочку сюжетов дешевых фильмов для второсортного продюсера, мы так и сделали. Заказчику все не понравилось, и Ким, который ничего не тратит зря и ничего не забывает, позже превратил эти задумки в романы.

Впервые он упомянул о мире, где Дракула победил, в 1984 году (мне так кажется). Тогда мы работали над «Ужасно до невероятия» и размышляли над тем, не написать ли нам вместе роман. Идея мне понравилась. Я был совершенно пленен тем, как метафора вампиризма неожиданно может стать метафорой общества, правительства и управления, образом окопных боев Первой мировой войны в мире, контролируемом вампирами, где старейшины вампиров эксплуатируют молодых солдат, а потом отправляют их на смерть. (Ким, который разбирался в политике куда лучше меня, все это увидел сразу.) Возможно, нам следовало что-то с этим сделать, но у нас было столько идей, столько всего, что мы хотели воплотить в жизнь, к тому же обоим ждали книги и статьи, за которые уже платили.

Но хорошие идеи как Дракула — они никогда не умирают по-настоящему. И для того, что собирался сделать Ким, были прецеденты.

Американский писатель Филип Хосе Фармер создал серию книг, известных как цикл «Семья из Ньютоновой пустоши», в ней он представил своеобразную единую теорию поля для литературы, которую любил. Вы когда-либо интересовались, что объединяет Шерлока Холмса и Дока Сэвиджа или какое отношение к ним имеет Тарзан? Фармер свел их вместе. Похожим образом Дэвид Томсон — писатель, который, как и Ким, был кинокритиком, — создал в своем романе «Подозреваемые» целый мир, построенный на основе образов и жизни киноперсонажей, пришедших по большей части из фильмов жанра «нуар». В нем мы видим любовников и детей, смерти и взаимоотношения, которые связывают героев фильмов, и понимаем, как они все действуют в одном пространстве. Джордж Макдональд Фрэзер в книгах о Флэшмэне, описывая приключения своего мошенника, успешно выводил литературных и исторических персонажей на одну сцену. Подозреваю, что Ким вдохновлялся своими предшественниками, но я совершенно уверен, что, даже если бы их не существовало, он бы справился и сам. Понимаете, у него такой склад ума. В конце концов, его первый роман, «Ночной мэр», описывал объединенную реальность нуара 1940-х годов.

Так что, когда наш общий друг Стив Джонс попросил у Кима рассказ для «Большой книги о вампирах», тот взял идею о победившем Дракуле, сочинил для нее сюжет и написал повесть под названием «Красная власть». Блестящая, она была подлинным воплощением таланта Ньюмана. А потом он взял этот скелет, облек его в плоть, и история превратилась в «Эру Дракулы».

В «Эре Дракулы» есть (вымышленный) Джек-потрошитель вместе с другими персонажами из «Дракулы» Брэма Стокера. Лулу, первая жертва Джека, пришла из «Ящика Пандоры», там ее сыграла Луиза Брукс. Вы встретите в тексте людей, созданных воображением сэра Артура Конан Дойла и Герберта Уэллса, а также целую кучу сыщиков и охотников за призраками.

Ким заимствует персонажей повсюду — от «грошовых ужасов» до эдвардианских историй о вампиризме, от фильмов ужасов студии «Хаммер» до сверхъестественных мыльных опер, даже из «Агентов А.Н.К.Л.». (Если происхождение некоторых из них останется для вас загадкой, то это, возможно, альтернативные версии героев, которых Ким создал под псевдонимом Джек Йовил для вселенной «Вархаммера»).

И тем не менее это полноценный роман, а не просто игра в угадайку. Сильный роман, потому что Ким — замечательный писатель, у текста есть зубы, и он прекрасно кусается. Также он породил другие книги (мне особенно нравится цикл коротких историй, который Ким превратил в роман под названием «Джонни Алукард») и рассказы, а также серию комиксов.

Сила Кима Ньюмана как писателя кроется в его точности и понимании того, что он делает. Он великолепный автор, но великолепие всегда должно быть о чем-то, или же оно превращается в техническое упражнение. С циклом про эру Дракулы Ким нашел идеальный способ поговорить о любви, власти и боли, о политике и эксплуатации, об искусстве, использующем существующую литературу и кинематограф как приправу, но никогда в качестве основного блюда. Эти истории становятся зеркалом, в нем мы видим себя, чего вампиры, естественно, сделать не могут.

Существует альтернативная вселенная, в которой я соавтор «Эры Дракулы» и всего цикла, и я так рад, что живу в этой, где могу просто читать и перечитывать книги, в которых Ким расправляет кожистые крылья и летит, как летучая мышь, позволяя нам увидеть то, что он обожает, заставляя с сомнением взглянуть на наш собственный мир и задуматься о том, кто бы из нас отрастил клыки, а кто — заточил колья.

*Нил Гейман
Бостон/Сиэтл, 2022*

The image features a highly detailed, symmetrical decorative border. The border is composed of intricate, swirling acanthus-like leaves and scrolls, creating a frame that is wider at the top and bottom and narrower on the sides. The central area of the page is left blank, containing only the text 'ЭРА ДРАКУЛЫ' in a bold, serif font. The entire design is rendered in black lines on a white background.

ЭРА ДРАКУЛЫ

Для Стива Джонса, книжного хранителя вампиров

«Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом — в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть как львы. Здесь, в водовороте европейских племен, угры унаследовали от исландцев воинственный дух Тора и Одина, а берсерки вели себя на морском побережье Европы, Азии, да и Африки так жестоко, что люди принимали их за оборотней. Придя сюда, они столкнулись с гуннами, в воинственном пылу прошедшими по этой земле, подобно огненному смерчу, и погубленный ими народ решил, что в их жилах течет кровь старых ведьм, изгнанных из Скифии и совокупившихся с бесами пустыни. Глупцы, глупцы! Какие бес или ведьма могли сравниться с великим Аттилой, кровь которого течет в моих жилах? Удивительно ли, что мы — племя победителей? Что мы горделивы? А когда мадьяры, лангобарды, авары, болгары и турки хлынули на наши границы, разве не мы оттеснили их с нашей земли? Стоило ли удивляться тому, что Арнад и его легионы, пройдя через всю Венгрию и достигнув границы, споткнулись о нас? А когда мадьяры хлынули на восток, то они, победители, признали свое родство с секлерами и много веков доверяли нам охрану границ с Турцией. А это нелегкое дело — бесконечные заботы по охране границы; как говорят турки, „даже вода спит, а враг никогда не дремлет“. Кто отважнее нас во времена „четырех наций“ бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор — позор Косова, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем, кто же, как не один из моих предков — воевода, — переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула! К несчастью, после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам и навлек на них позор рабства! <...> И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго, вожжаками были

мы — Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой. Эх, юноша, секлеры (а Дракулы — их сердце, мозг и меч) могут похвалиться древностью своего рода, недоступной этим новоиспеченным династиям Габсбургов и Романовых. Дни войны миновали. Кровь в эти дни позорного мира слишком драгоценна, а слава великих народов — не более чем старые байки».

Граф Дракула

«Я основательно изучил все попавшие ко мне в руки бумаги, имевшие отношение к этому монстру; и чем больше вникал в них, тем больше убеждался в необходимости его уничтожить. В них много говорится о его успехах, и видно, что он осознает свое могущество. В результате исследований моего друга Арминия из Будапешта удалось выяснить, что в жизни это был необыкновенный человек: одновременно солдат, государственный деятель, алхимик, — алхимия в те времена считалась вершиной научного знания. Он обладал большим умом и знаниями, а сердце его не ведало страха и угрызений совести. Граф даже учился в Шоломансе, школе дьявола, и не было такой науки в его время, которой бы он не превосшел. Что ж, после физической смерти его умственная мощь сохранилась, лишь слегка ослабела память. Конечно, кое в чем его интеллект — на примитивной стадии, однако способен к быстрому развитию. Граф экспериментирует, и вполне успешно. И не попадись мы на его пути, он, вероятно, стал бы — а в случае нашего поражения и станет — отцом или родоначальником нового вида, который будет существовать „в смерти“, а не „в жизни“».

Абрахам Ван Хелсинг*

* Здесь и далее цитаты, принадлежащие графу Дракуле и Ван Хелсингу, взяты из романа «Дракула» Брэма Стокера (пер. Т. Красавченко). Здесь и далее примечания переводчика.